

ЛЕШИЙ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ВЕРХОКАМЬЯ

Одна из наиболее дискутируемых в современной фольклористике проблем – уровни и формы проявления локальной специфики фольклорной традиции – получает новый разворот, если рассматривать ее через призму концепции культурного ландшафта [Культурный ландшафт 1998 I; Культурный ландшафт 1998 II; Калущков 2000; Иванова 2002, 6–13; Культурный ландшафт 2003 и др.]. Под последним мы понимаем культуру сообщества людей, сформировавшуюся как результат разнообразных форм их жизнедеятельности в определенных природно-климатических условиях. В структурном плане культурный ландшафт (КЛ) русской деревни представляет собой сложную систему, включающую материальные и духовные компоненты:

- природный ландшафт (= природную среду);
- сообщество людей, взятое в этнологическом, социально-семейном, конфессиональном, профессиональном и прочих аспектах;
- селение как способ пространственной организации/самоорганизации в природном ландшафте;
- хозяйственную деятельность;
- языковую систему (=диалект);
- духовную культуру (словесное, музыкальное, хореографическое и прочие искусства).

Важно иметь в виду, что два последних компонента, выступая в роли метаязыков для описания четырех остальных, в свою очередь, определяются ими, поскольку они формируют их содержательный и формальный планы (сюжеты, мотивы, образы, поэтику). Это означает, что факторы, под влиянием которых складывается специфика фольклорного репертуара, могут находиться за пределами собственно «фольклорного поля». Наиболее показательными в этом отношении оказываются фольклорные тексты с ярко выраженной ориентацией на местную географию и историю (предания, былички, бывальщины, «географические песни» [Иванова 2003 I; Иванова 2003 II; Иванова, Мороз, Слепцова 2003; Ковпик, Кулагина 2003 и др.]). Чтобы убедиться в этом, обратимся к демонологическому пантеону конкретной локальной традиции. Наш выбор пал на Верхокамье (территория нынешнего Афанасьевского района Кировской области)¹. Подобное предпочтение продиктовано двумя соображениями. Во-первых, в отличие от других районов Кировской области именно в этом историко-культурном ареале традиционный фольклор (в том числе мифологические нарративы) сохраняется в живом бытовании и до сих пор активно востребован в ритуальной, хозяйственной и семейно-бытовых практиках (по этой причине имеющиеся в нашем распоряжении материалы можно считать весьма репрезентативными в количественном и качественном отношениях). И во-вторых, многолетняя работа в другом весьма сходном по типу КЛ, а именно в Пинежском районе Архангельской области, дает возможность выстраивать исследование как сравнительно-типологическое, при котором легче выявляются специфические локальные компоненты фольклорных репертуаров.

¹ Данная территория была обследована фольклорными экспедициями кафедры русского устного народного творчества МГУ в 2000 – 2002 гг. (в дальнейшем ссылки на архив – АКФ – будут делаться с указанием года записи, номера тетради и текста в ней).

Состав и структура демонологического пантеона в конкретной локальной традиции напрямую зависят от природного ландшафта, селенческой и хозяйственной инфраструктур. Верхокамье и Пинежье относятся к таежной зоне с ярко выраженным лесным промысловым типом хозяйствования. Лес для местных жителей – не только среда обитания, но и основной источник существования. Неслучайно дух (или хозяин) леса занимает в системе мифологических персонажей обоих КЛ доминирующую позицию, что выражается не только в разнообразии мотивов и сюжетов, с ним связанных (см. «Указатель мотивов» к настоящей публикации и [Иванова 1995 II]), но и в характере бытования информации о них. В беседах с собирателями многие верхокамцы весьма неохотно рассказывали о лешем, веруя в то, что одно упоминание его имени может привести к трагическим последствиям (отсюда именование лешего через местоимение *он* или подставные имена типа *дедушка Пихто*): *«Говорить о лешем нельзя, поминать его нельзя»* (д. Малые Некрасовы, Черанева Анна Федосеевна, 1913 г.р., мест.); *«Если ты идешь, ничего не трогаешь и его не поминаешь, и он никого не трогает. А если ты поминаешь его, называешь, вот он тебя и захватит. [А как же его называть?] Зачем тебе его называть? Пусть он ходит. Вот, говорят, надо так говорить: “Ты идешь по своей дороге, я иду по своей”»* (пос. Бор, Сидорова Зинаида Егоровна, 1923 г.р., мест., грам.).

Культурные ландшафты Пинежья и Верхокамья, формировавшиеся при участии иноэтнического (а именно, коми-пермяцкого) субстрата в XIV – XVII вв. и в XVIII – XIX вв. соответственно, отличаются слабой «выраженностью» христианской идеологии (особенно в области мифологической прозы [Иванова, Калущков, Фадеева 2003]). Применительно к духу леса это сказалось на его номинации (из прилагаемого Указателя следует, что подавляющее число его именовании образовано от лексемы *лес* – леший, лесной, лесной дядя, лесной дедко²), на месте обитания и проявления (лес, лесная дорога, лесное болото, лесной угор), на внешнем облике (леший обычно характеризуется как существо высокого роста – вровень с деревьями, способное превратиться в дерево), на характере помощи и вредительства (леший помогает в охоте, сборе ягод и грибов; водит по лесу; уносит в лес проклятого человека или скотину; наказывает за ночлег или хождение по своим тайным лесным тропам). Перечисленные мотивы составляют общую для двух традиций часть мифологического репертуара.

Наряду с ними в мотивном фонде мифологических нарративов есть и заметные расхождения: самый популярный сюжет о лешем на Пинежье – о том, как он пугает человека, заночевавшего в лесной избушке, в Верхокамье – о том, как леший уводит (=прячет) скот (на Пинежье этот сюжет устойчиво связывается не с лешим, а с колдуном).

Причины подобных «предпочтений» коренятся в хозяйственной сфере. Личные охотничьи путики (=тропы) пинежан обыкновенно находятся на большом расстоянии от деревень, расположенных в непосредственной близости от рек (о приречном типе расселения см. [Культурный ландшафт 1998 II]), поэтому охотники уходят на промысел на длительный срок. Каждый охотник имеет свою лесную промысловую избушку. Пинежане чаще называют их не лесными, а боровыми, подчеркивая тем самым их удаленность от обжитого пространства: эта территория рассматривается как место обитания лешего (или *борового*), поэтому приход последнего к ночующему в избушке охотнику считается едва не

² В других этнокультурных зонах Волго-Вятского региона не менее распространены именовании черт, лесной черт [Иванова 1995 II].

обязательным событием во время промысла.

В Верхокамье, где основным типом селения до сих пор остаются малодворные починки, «укорененные» в лесные массивы, охота ведется в непосредственной близости от дома. Соответственно нет необходимости возводить временное жилье на большом расстоянии от дома. А если нет «события», нет и рассказа о нем.

Популярность в Верхокамье другого сюжета (о том, как леший спрятал или увел корову) связана с типом пастьбы, до сих пор широко распространенной на всей территории Афанасьевского района: скот вольно пасется в лесу и на полях, прилегаемых к деревням. Единственным оберегом от лесного зверя служат возводимые лесные и полевые изгороди, которые без особого труда преодолеваются животными, поэтому случаи пропажи скотины в Верхокамье нередки. Причину этого местные жители видят не в естественном, а в сверхъестественном факторе – кознях лешего, решившего проучить нерадивую хозяйку за то, что она «слешакала» корову или не по правилам выгнала ее на пастбище (№№25, 27, 34–42, 47).

Причиной пропажи животного, как считают верхокамцы, может быть не только леший, но и «родители» (=умершие предки). И в том и в другом случае мифологические нарративы выстраиваются по одной схеме, на что указывают и сами информанты: *«Вот в поселке Камском потерялась корова. Везде искали, искали, так и не нашли. Говорят, что это леший или умершие родители. Надо в таких случаях состряпать блины (тесто поливать в обратную сторону – левой рукой справа налево), унести на пень, помянуть усопших. И корова придет домой: через час – полчаса придет»* (с. Пашино, Булычева Зоя Федоровна, 1947 г.р., мест., грам.). Таким образом, в верхокамской мифологической традиции представлена устойчивая персонажная (взаимозаменяемая!) пара *леший / умершие предки*. Вполне вероятно, что мотив предсказания смерти лешим (№№4, 12, 16), часто возникающий в рассказах местных жителей, обязан своим происхождением именно этой корреляционной связи.

В заключение замечу, что мы рассмотрели лишь некоторые особенности КЛ, влияющие на формирование мифологического репертуара нарративов о лешем. Важно, что такая зависимость установлена. Вне сомнения расширение материала в персонажном и сюжетном отношениях даст немало дополнительных примеров такой зависимости. Ниже мы приводим корпус текстов, на базе которых было проведено исследование, и составленный на их основе указатель мотивов.

Л и т е р а т у р а

Иванова 1995 I – Мифология Пинежья / Сост., вст. ст., комм. А.А. Ивановой. Карпогоры, 1995.

Иванова 1995 II – Вятский фольклор. Мифология / Сост., вст. ст., комм. А.А. Иванова. Котельнич, 1995.

Иванова 2002 – Иванова А.А. Концепция культурного ландшафта как методологический принцип организации комплексных полевых исследований // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2000. – С. 6–13.

Иванова 2003 I – Иванова А.А. От реального события к фольклорному тексту: к проблеме фольклорного историзма // Вятский родник. Киров, 2003. – С. 7–12.

Иванова 2003 II – Иванова А.А. Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции // Локальные традиции в народной культуре

Русского Севера. / Материалы IV Межд. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, С. 31–33.

Иванова, Калуцков, Фадеева 2003 – Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Материалы к этнокультурному атласу «Святые места Пинежья» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. – С. 198–242.

Иванова, Мороз, Слепцова 2003 – Иванова А.А., Мороз А.Б., Слепцова И.С. «Географические песни» в локальном песенном репертуаре // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. – С. 132–171.

Калуцков 2000 – Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М. 2000.

Ковпик, Кулагина 2003 – Песни о деревнях и их жителях в фольклоре Костромской и Нижегородской областей // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. – С. 172–197.

Культурный ландшафт 1998 I – Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Смоленск, 1998.

Культурный ландшафт 1998 II – Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье. Поморье. М., 1998.

Культурный ландшафт 2003 – Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М., 2003.

Указатель мотивов

I. Проявление

I.1. Номинация

= леший – 4, 6, 11, 15, 16, 18–20, 23, 25, 28–30, 32, 37, 39, 41, 45–47, 49–51

= лесной – 1, 2, 6, 12, 26–28

= дух лесной – 40

= дядя лесной – 38

= дедушка – 31

= дедко лесной – 33

I.2. Ипостаси

бестелесный (невидимый) – 1, 3, 5, 7

антропоморфный – 5, 13, 16–18, 21–23, 31, 33, 43, 44, 47

фитоморфный

= дерево (елка) – 23

атмосферный

= ветер (вихрь) – 2–4, 7, 15, 16

I.3. Внешний облик

пол

= мужской – 5, 10, 13, 16–18, 31, 33, 43, 44

= женский – 5, 33

рост

= большой – 5, 10, 17, 18, 43

= маленький – 20

возраст

= старый – 20, 31, 33

= молодой – 15

внешность

- = борода до пят (колен, др.) – 16, 20
- = без бровей – 21, 22,
- = ноги лошадиные – 24

способности

- = сильный – 24

одежда

- = портяной фартук с нагрудкой – 10
- = белая одежда – 17

I.4. Атрибуты, спутники

- = собаки – 10, 30, 31
- = лошади – 13, 31
- = коровы – 50

I.5. Место

- = лес – 3, 4, 6–10 14, 15, 16, 18, 19, 26, 30–41, 50, 51
- = лесная дорога – 18, 50
- = болото – 20
- = река – 48
- = угор – 43, 44, 49
- = дом – 23

I.6. Время

- = осень – 4
- = весна – 9
- = зима – 17
- = ночь – 2, 16
- = полночь – 28, 34, 42, 44
- = утро – 36, 41

II. Помощь

II.1. Промысел

- = охотничий – 8–12
- = рыболовный – 48

III. Предвешание

- = смерти – 4, 12, 16
- = войны – 17
- = несчастья – 14

IV. Вредительство

IV.1. Пугает

- = пением – 2–5, 14
- = игрой на гармонии – 2
- = свистом – 3

IV.2. Водит по лесу – 20

IV.3. Разбрасывает сено – 15

IV.4. Подсаживается в сани

- = в образе человека – 43

V. Наказание

V.1. Уводит проклятого

- = человека – 26, 28–33, 50
- = скотину – 25, 27, 34–42, 47

V.2. Уводит человека, назвавшего лешего по имени – 7, 19, 51

V.3. Выживает из дома, построенного на тропе лешего – 44–46

V.4. Разбрасывает костер, разведенный на тропе лешего – 6, 16,

V.5. Убивает за хождение по его тропе – 49

V.6. Наказывает за отказ в угощении – 48

V.7. Наказывает за вступление в разговор с ним – 18, 23

Тексты

1. Ехали мы как-то по солому, а лошадь вдруг не захотела ехать, учуяла лесного, а мы не видим его. Так и проехали домой без соломы. А назавтра поехали – и все нормально.

(д. Лазанёво, Харина Антонина Павловна, 1932 г.р., мест., грам.; АКФ 2000, т. 16, № 451).

2. Иду я в два часа ночи, ну и такой ветер поднялся, песни, гармонь играет. Пять минут прошло, и всё кончилось, не стало. Опять ветра не стало, и никакая гармонь не играет больше, кусты не гнет больше.

(д. Часовня, Полудницын Петр Матвеевич, 1937 г.р., грам.; АКФ 2001, т. 19, № 142).

3. Я видеть не видел, но слышал. То он запоет, так мелодично запоет (там же лога крутые), я слышу – такую хорошую мелодию запоет, слова я не понимаю. А то засвистит, что уши у тебя дерет.

(д. Терешовы, Шушаков Александр Иванович; АКФ 2000, т. 1, № 350).

4. А осенью, когда ветер там, в лесу деревья скрипят, это, говорят, лешие поют такими голосами. Это не к добру услышать, как леший поет, к смерти.

(д. Лозанёво, Варанкина Марина Денисовна, 1924 г.р., грам.; АКФ 2000, т. 21, № 41).

5. Редко это, чтобы он показывался. Всё больше слышно что-то, пение там. А так, ну, может женщиной, мужчиной высоким.

(д. Аверины, Варанкина Галина Алексеевна, 1946 г.р., грам.; АКФ 2000, т. 5, № 30).

6. Лесной – леший. Его видно. Вот так вот поглядишь. По вершинкам смотришь – и как бы дорога прямая-прямая. В лесу-то не заметишь, а по вершинкам смотришь – видишь. Ага. Вот тут костер разводить не надо. А разведешь – всё равно ветром раздует или чё-нибудь, гроза будет. Все равно придется уйти. Такой ветер, как не знаю, чё будет.

(с. Гордино, Тебенёва Александра Кондратьевна, 1934 г.р., уроженка д. Петрушонки; АКФ 2000, т. 2, № 76).

7. Его не видишь. Ветер! Ветер видишь поднялся, поднялся – так полосой и идё. Песок крутит кругом – кругом – кругом. Я раньше у бабки с дедкой слыхала. Если ты идешь, ничего не трогаешь и его не поминаешь, и он никого не трогат. А если ты поминаешь его, называешь, вот он тебя и захватит. [А как же его называть?] Зачем тебе его называть? Пусть он ходит. Вот, говорят, надо так говорить: «Ты идешь по своей дороге, я иду по своей».

(пос. Бор, Сидорова Зинаида Егоровна, 1923 г.р., мест., грам.; АКФ 2001, т. 1, №№ 264–266).

8. Отец ходил в лес на охоту. И, значит, и уснул. И он де говорит: «Эй, хозяин! Дай де закурить!» Отец, говорит, проснулся, положил на пенек курево, еще положил. Пошел, говорит, дак не успевал стрелять глухарей. Столько он настрелял, дак я помню даже сейчас.

(пос. Новый поселок, Сидорова Любовь Еремеевна, 1934 г.р., грам.; АКФ 2001, т. 6, № 48).

9. У меня отец был рыбак. И охотник был. Весной он всегда по лесу ходил. И рассказывал: «Вижу там птицу или зайца, а убить не смогу – опять мимо, опять

мимо! – говорит. – Опять посижу, покурю. Закурю и на пенек положу папироску. Потом смотрю, – говорит, – и того, и другого, и третьё. Ну!» Придет домой да и говорит: «Оказывается, везде есть хозяева: и на воде, и в лесу». Дак, видимо, чё-то есть. Вот еще хлебушка оставляют на пенечке где-нибудь.

(пос. Бор, Сапегина Зоя Григорьевна; АКФ 2001, т. 13, №134–135).

10. Мы раньше там жили. У нас сначала был чужой тятя, мужик-от. Вот он, говорят, знался с им. Дак там был обмен, а за обменом гора (я даже за ягодами туда ходила). Вот этот дядька с им знался. «Вот, – говорит, – ходил, ходил за рябчиками». Вот ходил, ходил – никак не может. И с ём не встречается, не по ему. Он шел, шел по этому угору и две собаки выскочили. Большие собаки! Навстречу такой большой – фартук портяной с нагрудкой. Попадается. «Чего? Пошел на работу?» – «Ничего не могу выходить». – «А ты, – говорит, – ходи, не делай там, кто сколь убьет, кто где убьет. Ты видишь, не видишь – иди! Ты иди той стороной!» Он пошел. Еле... Бывали такие котомки на крошнях (такая сплетеная как доска, крышка да нёсла) и рюкзак. Рюкзак привяжут, чтобы там не давилось. А то давится. Дак вот полную наклал. Уже больше класть некуда этих рябков и полюшек. Они как рябки, но только большие. Полную эту набрал.

(пос. Бор, Сидорова Зинаида Егоровна, 1923 г.р., мест., грам.; АКФ 2001, т. 1, № 267).

11. [Удачливые охотники не знаются с лешим?] Да. Это еретники такие. Есть. Там за Камой Горьковская деревня. Там Степан жил: без ружья добывал.

(д. Харины, Харина Вера Афанасьевна; АКФ 2000, т. 1, № 157).

12. Мама говорила еще. Человек в деревне был, в лес ходил без топора, но много дров приносил. Видимо, знающий был, помогал ему кто-то. А то как?

(д. Полуныта, Габов Альберт Петрович, 1954 г.р., грам.; АКФ 2000, т. 11, № 25).

13. Лесной, когда привидится, то это не к добру. Может кто-то из родителей или скотинки умереть. Там наверху раньше был огород, вот мы с подругой сидим там вечером, еще молодые были, а между нами подпора. Я про вечерку стала рассказывать. Она: «Тише, тише»» Потом: «Мимо нас мужик на лошадях проехал». В одну сторону смотрели, а я ничего не слышала. Потом у этой девушки отец умер.

(Лазанёво, Харина Антонина Павловна, 1932 г.р., мест., грам.; АКФ 2000, т. 16, № 452).

14. Мы как-то раз по ягоды ходили по реке Созим. По ручейку иду, слышу песни: мотив есть, а слов нет. Так я ягоды бросила, убежала на дорогу. Мой потом на мотоцикле разбился, лежал девять месяцев в больнице. Я-то раньше тоже не верила, а как сама услышала...

(пос. Афанасьёво, Маркова Варвара Сергеевна, 1927 г.р., уроженка д. Рагозы, грам.; АКФ 2000, т. 15, № 72).

15. Старухи раньше болтали. Он тоже пошел баловаться лешим, собирать там сена да что. Завиват ходит. И тут два парня большие были, косили они. Он перед ими давай завивать, собирать сырую траву. Так прямо собирается, вьет, вьет, так прямо ключьями кидат и везде на кустьё. Ветер поднялся. «Постой!» Стали рубить косой в этом ветру. И ему, говорят, попали. Вот чего они ему отрубили? Он молодой был. Он приходит домой, жалуется: «Вот там-то я ходил, дак там косят, дак вот как меня разрубили!» А ему отец: «А чего ты делал?» – «Они, – говорят, – косят, а я траву на кустья повесил». – «Зачем баловаться? Так, – говорит, – не надо. Они тебя не трогали. Не надо было так делать».

(пос. Бор, Сидорова Зинаида Егоровна, 1923 г.р., мест., грам.; АКФ 2001, т.

1, № 268).

16. Вот мне отец рассказывал, много раз повторял. Вот они пошли километров за 15 – 30 за Каму за липой на лапти. Они ребята были по 15 лет. Ходили – ходили голодные: две картошки у них было. Вот они развели костер греть эти картошки. Ночью поднялся ветер, верхушки деревьев зашумели, и выходит такой – борода до пят. «Убирайтесь, ребята, здесь сейчас свадьба поедет». Они убрали костер – ветер затих. Кто видел лешего, тот долго не живет. Не к добру он видится.

(д. Щукино, Коршунова Лидия Кузьминична, 1936 г.р.; АКФ 2001, т. 5, № 70, 72,73).

17. Это такой был случай до войны. У нас ехал отсюда на лошади мужик на санях зимой. И вышел длинный-длинный мужик как бы в белом одеянии. Посреди дороги встал. Лошадь испугалась и встала на задние ноги. Называли «на струбли». Я не знаю что делать. И что это всё равно не к добру. Мужик-то даже и не верующий был, а все равно говорит: «Господи, помоги!» Он был заведующим фермой. Ему показался очень громадным в белом. Это к войне.

(пос. Афанасьево, Ичетовкина Тамара Сергеевна, 1928 г.р., уроженка д. Ивановская; АКФ 2000, т. 1, № 88).

18. Вот там рядом, по дороге к лесу, там вот видится. Мужики шли как-то и видели длинного мужика, как столб, шел навстречу. С ним нельзя разговаривать: задавит. От двоих слышал. Там леший, видимо, живет.

(д. Полуныта, Габов Альбера Петрович, 1954 г.р., грам.; АКФ 2000, т. 11, № 35).

19. А вот еще бабушка её рассказывала. Пошли в лес три девчонки. Одна бойкая была, засмеялась, захохотала: «А никого нету, нечё, мол, бояться! Нет никакого лешего там, ничего, – говорит. – Это просто выдумки такие!» И вдруг, говорит, береза наклонилась такая здоровая, и перед ними стоит и говорит: «А вот и я!» Ну, они, конечно перепугались. Бабушка рассказывала. А я не знаю, ну это чё, шутка ли, легенда или как? Ну, одна там знала, видать, чё-то. Ну, говаривала вроде молитвы и стала ей говорить. И вот она говорит: «А! Рано догадались! А то бы, – говорит, – я вас тут!»

(пос. Бор Кудашева Таисия Ивановны, 1936 г.р., уроженка Нагорского р-на; АКФ 2001, т. 17, № 3).

20. У нас папа ходил на Дымное болото. Я маленька была. Лешего встретил. Старичка маленького встретил. Борода была до колен. Сухонькой старичок. «Как найти ягоды?» – «Туда идите. Там найдете ягоды и не выйдите». Так и вышло. А потом все (вплоть до нижнего белья) на левую сторону вывернули и вышли.

(пос. Бор, Щуплецова Ирина Станиславовна, 1978 г.р.; АКФ 2001, т. 1, № 350).

21. [А не рассказывали, как он выглядит?] У него бровей нету, без бровей. Человек и человек настоящий, токо бровей нету. А он может всяко ладиться.

(пос. Афанасьево, Харина Анны Тимофеевна, 1924 г.р., уроженка д. Аверины, грам.; АКФ 2000, т. 10, № 24).

22. В хомут надо посмотреть, когда вертит. Увидишь его. Говорят, такой же, как мы, только брови нету. И в церковь ходят. А как «Ферувимы» поют, и они уходят.

(д. Аксеново, Макарова Раиса Филипповна, 1933 г.р., мест., грам.; АКФ 2002, т. 4, № 23).

23. Абрамиха еще рассказывала, как леший деревом придет, а в дом зайдет человеком. С ним только говорить не надо. Он посидит-посидит, выйдет и уйдет

елкой.

(пос. Афанасьево, Маркова Варвара Сергеевна, 1927 г.р., уроженка д. Рагозы, грам.; АКФ 2000, т. 15, № 75).

24. Он сильный. Сильнее его никто нет. Он лошадь на три метра от земли с бороной поднял. Ноги у него лошадиные.

(д. Кувакуш, Аршигина Евдокия Нестеровна, 1928 г.р., уроженка д. Борино, грам.; АКФ 2000, т.12, № 43–44).

25. Ой, леший понес мои половики. Я: «Чур, наш! Чур, наш! Чур, наш!» И верно – прошел. Если что случится, надо со стряпней идти в лес и положить, чтобы помог: «Вот тебе подношение, подарок и помоги найти скотинку». Бывают моменты, находят. Да ведь не на один пенек положить. Ага. На несколько пенечков. <...> Леший скотину уводит. Стряпню носили, в церкву свечку святому ставили.

(пос. Афанасьево, Ичетовскина Тамара Сергеевна, 1928 г.р., уроженка д. Ивановская; АКФ 2000, т. 1, № 76–77, 86)

26. Вот у нас тут в Авериных парня лесной таскал. Матери словецька не сказал, дак в школу пошел, дак его лесной-то шибко долго таскал. Так он рассказывал: его лесной схватил и таскал, таскал, а потом принес на крылечко. Потом он заболел, лечили его. Вот лесной-то шибко долго таскал. А он школьникам рассказывал там-то чего: «Меня де несет выше лесу де, везде лес видно».

(пос. Афанасьево, Харина Анна Тимофеевна, 1924 г.р., уроженки д. Аверины, грам.; АКФ 2000, т. 10, № 22).

27. Лесной всегда за плечами ходит, ругаться нельзя поэтому: он может иначе такое натворить! Потеряешь человека иль скотинку и больше не найдешь. Переругаться можно с кем-нибудь на всю жизнь. Ну, мало ли погонишь скотинку, разозлишься и выругаешь ее всю. У нас в деревне одна женщина овцу переругала, смотрит потом – нет овцы, одни косточки от нее остались.

(д. Лазанёво, Харина Антонина Павловна, 1932 г.р., мест., грам.; АКФ 2000, т. 16, № 447–448).

28. Вот, говорят, девочку-то леший унес. У нее мать садила хлеб в печку. Вот. А она, говорит, подбежала под лопату. И это, под лопату-то подбежала и челпан-от упал с этой лопаты. «Лесной, – говорит, – тебя бы унес!» Она на улицу вышла, эта девочка у нее, и всё, растаяла, нигде нету. А потом нашли ее мертвую на елке. Ноги обморозила, всё. Вот он ее поднял куда.

(пос. Новый поселок, Сидорова Октябрина Прокофьевна, 1935 г.р., грам.; АКФ 2001, т. 6, № 51).

29. [Можно ли в сердцах лешакаться?] Счас расскажу. Вот здесь называлось Лопахино в пяти километрах от нас. Там гармонист был заядлый, как я. Играл, играл. И вот тоже этот гармонист на вечерку. Мать не пускает никак: «Сегодня то-то, то-то. Не ходи!» Он силком идет. «Леший тебя понеси!» – мать поругала. И ушел. И нет, и нет, и нет, и нет. У его товарищей спрашивает: «Был у меня сын на вечерке?» – «Нет. Не был». – «Как не был, если ушел?! Кто там играл?» Где-то надо искать. Вот мать к одному подойдет, который более–менее знающий, к другому: нету, нету, нету. Нигде не слышно и не видно. И не знают, где искать. Одна знахарка говорит: «Вы напеките пирогов, настряпайте. Будет полночь, двенадцать часов ночи, залезай на крышу, пополам переломи и по обе стороны бросай». Ну чё? Матери нечего больше делать. Настряпала, значит, залезла на крышу, слышит – сын-от идет, так это играет, так это играет идет. Пришел домой. Мать спрашивает: «Где был?» – «Как где? На вечерке был». – «Где играл?» – «На

свадьбе играл». – «Кому играл?» – «Так играл-играл, а кому – неизвестно». И неделю целу проиграл: на пальцах уже мозоли. «Да как чем-то тебя кормили?» – «Кормили, – говорит, – поили хорошо». Да как он, видимо, играл не у настоящих людей. Не как мы с тобой, а у бесов за какую нечистую брань. Видишь, как получилось. Знающие люди рассказывали. А если бы не рассказала, он бы вообще, может, не пришел: там бы и проиграл. [И скотина так же пропадает?] Да. Тоже ищут так же. Допустим, уйдут в лес, на пенек всякие-всякие сладости приготовят, на пенек ложат всё.

(д. Терешовы, Шушаков Александр Иванович; АКФ 2000, т. 1, № 360–361).

30. Любка (ну, она уже замужем), а была она девочкой, говорит, вышла, мать заставила ей скота провожать. А она, видимо, это долго чё-то это собиралась, маленькая еще, грит, была. Вот и она говорит: «Да понеси тебя леший! – грит, – иди, – грит, – ты, бабушка!» И она, грит, только вышла за ворота и всё, ее подхватил, эту девку, подхватил и унес, говорит, куда-то. А куда унес, не знаю, говорит. И ходила, говорит, две ночи она ходила в лесу-ту, ходила, грит, в лесу. «Всё, – грит, – куда я ни сунусь, а ягоды, – говорит, – ой, прямо вот насыпаны всякие ягоды, заberi их! Куда я ни пойду, всё, – говорит, – ручьи, речки, никак перейти не могу, жердочки, – говорит, – кину – собаки набегат на меня». Это. А потом, видимо, говорит, дома-ту стали ее поминать. Как-то это ходят, поминуют и носят на пенек в лес табак там, хлебушка и водку. Это ложат и как это поминки. И это положат на пенек и из лесу бежат, не оглядываются. Вот и это помянули все дома-ту, видимо. «И я, – говорит, – пошла прямо, – грит, – больше ни речки, никакие собаки, – грит, – нет. И скоро, – говорит, – домой пришла. А вроде, скоко, – грит, – я далеко ходила, никого, – грит, – нигде не слышала. Вот только, – грит, – собаки со мной все были, а больше, – грит, – никого не было». Вот она сама рассказывала. Аж мать-то потом наревелася.

(д. Часовня, Полудницын Петр Матвеевич, 1937 г.р., грам.; АКФ 2001, т. 19, № 148).

31. [Е.М.:] А вот у нас в Лозанёнках Володька-то. Ему казался. «Меня де дедушка питал. Малину мы ели, коней пасли». А никаких коней не видели. А он каких-то коней видел, малину ел, а здесь и мало нету. А после его уже стали искать, стряпали. На сломанный пень положили эту стряпню, и он прибежал, ревет: «А-а! Мама! Мама!» Вот мы услышали. Услышали. А он бегат, ревет. Появился. А тут сколь выходили, не могли найти его. Он видел дедушка. Дедушка его малиной кормил, а мы не видели нигде.

[А.К.:] Вот мать, наверно, наругала. Он говорит: «Собака де прибежала к нам, я за собакой и убежал». Так и были маленькие следочки – босиком дак и собачьи следочки с им рядом. Искали-искали – найти не могли, пока не постряпали и не унесли стряпню на сломанный пень. [А как стряпали?] На левую сторону, наотмашь. Он, леший, добрый не бывает.

(с. Гордино, Тебенькова Александра Кондратьевна, 1934 г.р., уроженка д. Петрушонки, и Власова Екатерина Максимовна, 1913 г.р., уроженка д. Висарёнки республики Удмуртия; АКФ 2000, т. 2, № 78–79).

32. [А леший может скот спрятать?] А вот случай был. Давно это уже, давно. Мать-то это дочь поругала: «Понеси тебя леший!» – сказала. И унес. И вот она мне рассказывала: «Домой пришла. Мать уже стала стряпать, на пни ложить стряпню, чтобы отпустил. Он меня, – говорит, – кормил. Наложит где корова, оправится, этим меня кормил. На елке на высокой сидела». И она стала рассказывать и скоро умерла.

(д. Харины, Харина Соломия Ивановна, 1928 г.р., мест.; АКФ 2000, т. 1, №

297).

33. Одна девочка заблудилась. Ей постряпали, принесли на то место, откуда она в лес ушла. На это место она вышла. Через сутки пришла. «Чё де было?» – «Меня дедко и бабка лесные поили – кормили». Старым нельзя ругать. Ее родители изругали: «Пусть тебя леший понесет!» Ее дедко и бабка скрыли

(с. Гордино, Гордина Лидия Петровна, 1932 г.р.; АКФ 2000, т. 6, № 281–282).

34. Он и корову прячет, если ее изругаешь. Мы-то вот... Корову у нас изурочили. Ну, крикнула ей чё-то, дак она и пропала, не пришла домой-от. Искали ее, искали. Три дня искали. Нашли: в лесу ходит. Мы ее зовем, а она давай бежать. Ну, чё тут делать? Постряпашь на леву руку блины, идешь в лес. Лучше ночью идти, часов в двенадцать, чтобы никто не видел. Вот в лес на пенек блины покладешь, походишь еще немного вот так. Ну, мы то же сделали: мать блины напекла, на пенек отнесла. Ну и утром пошли, а там корова наша. Мы ее домой привели. А еще вот было. Корова тоже потерялась у одних тут. Они ее пошли искать. Ходили, ходили целый день, не нашли. Три раза место прошли, не видели. А из другой деревни пошли и увидели на том месте, где потерялась.

(д. Боровичата, Гордина Евдокия Егоровна, 1928 г.р., грам.; АКФ 2000, т. 6, № 274–276).

35. А корова там, теленок потеряется, стряпают на левую сторону, наоборот все. Квашню в лес принесешь, на сук повесишь, на ольху ли. Корова находится.

(д. Карасюрово, Черанева Эмилия Ильинична, 1937 г.р., уроженка д. Меркучи, грам.; АКФ 2001, т. 18, № 97).

36. Блины пекут. Через леву руку наливают и вот на пни ложат потом. А вот постряпают, если теленка теряют, постряпают, положат – и теленок выйдет. [На один пень ложат?] На три. Тайком: утром рано надо.

(д. Харины, Харина Соломия Ивановна, 1928 г.р., мест.; АКФ 2000, т. 1, № 298).

37. Вот в поселке Камском потерялась корова. Везде искали, искали, так и не нашли. Говорят, что это леший или умершие родители. Надо в таких случаях состряпать блины (тесто поливать в обратную сторону – левой рукой справа налево), унести на пень, помянуть усопших. И корова придет домой: через час – полчаса придет.

(с. Пашино, Булычева Зоя Федоровна, 1947 г.р., мест., грам.; АКФ 2000, т. 15, № 208).

38. Корова у нас была. Отелилась в лесу. Ходила тут близко, а домой не шла обратно с теленком. Куда-то в лес. Они там, лесные-то дяди. Стряпали на левую руку, несли на елку, повешали. Еще на кладбище сходили. Говорят, покойники тоже. Говорят, покойники, если что не по им, тоже забирают. Тогда и корову нашли, пришла сама. Я до этого не верила, а потом... Готовили слева, все наоборот.

(д. Слобода, Черкова Зоя Афанасьевна, мест.; АКФ 2000, т. 8, № 154–155).

39. Мы с Матреной давно уже конюхами работали. Застреножили одну лошадку, а она за речку перескочила. Матрена разозлилась: «Да пусть тебя леший тащит!» Две недели эту лошадь искали. В конце концов испекли блины, положили в лесу на пенек: «На тебе гостинцы, отдай нам лошадь!» Пошли дальше, видим – стоит наша лошадь на озими.

(д. Лазанёво, Харина Антонина Павловна, 1932 г.р., мест., грам.; АКФ 2000, т. 16, № 448).

40. Когда пустишь, потеряешь совсем корову или теленка. А у нас колдунья

была, к ней хаживали. Иногда скажет: «Дух лесной закрыл, надо сострять, отнести в лес». Однажды нашли корову: все измято, вся грязь, а выйти не может. Мертвая была.

(д. Андриёнки, Трушникова Анна Пудовна, 1930 г.р.; АКФ 2000, т. 11, № 109–110).

41. Нельзя лешим ругать. Ребенка нельзя проклинать и скотину ругать. Овцы у нас были. Мы тогда еще на починке жили, середь лесу одни-то. Овцы у нас потерялись: ночи две-три не было. Искали, ходили по лесу. Страшно так было, не могли всё найти. Мать тогда пришла, вывернула шубу такого же цвета [как и овцы – *соб.*]. У нас все овцы черные были. Она печку утром рано затопила, стала гаркать [в трубу через рукав шубы – *соб.*]: «Черная, черная, куда ушла? Почему не пришла, дура?» Они сразу заревели под окном. Мы выбежали, загнали Вот как.

(д. Боровичата, Гордина Евдокия Егоровна, 1922 г.р., грам.; АКФ 2000, т. 6, № 283–284).

42. Вот у нас как-то давно теленок потерялся. Папа с мамой искали, искали и не нашли. И мама в двенадцать часов несколько раз кричала в печную трубу: «Марта, Марта, иди домой!» И нашли потом. Много – много таких случаев было.

(пос. Афанасьево, Маркова Варвара Сергеевна, 1927 г.р., уроженка д. Рагозы, грам; АКФ 2000, т. 15, № 71).

43. Вот у меня тесть рассказывал. Он 1888 года рождения был. Он в царскую армию попал служить на 25 лет. Но его революция замяла. Так вот он пришел и рассказывал: «Здесь через километр есть деревня Макаровы». И вот он говорит: «С праздника ехали домой. А здесь надо на угорчик подняться. Там надо поле переехать и в угорчик подняться. Сзади догоняет человек, сел в сани и всё – и у меня лошадь не может идти! И так бьется, и так бьется: ну, не может идти – такая тяжелина села! Ни хрена не слезает. Ну а лошадь не может тянуть. А потом он или молитву прочитал или чё – тот соскочил. [А есть у лешего какие-то приметы?] Дак сел задом. Ростом большой. Такой здоровый.

(д. Терешовы, Шушаков Александр Иванович; АКФ 2000, т. 1, № 351–352).

44. Опять тесть мне рассказывал. Здесь лог, где я на ферму ходил. Там вершина лога, и там хозяин построил себе избу, полную деревянную избу. И вот говорит: Полночь придет, придет человек, откроет ворота: “Василий Кузьмич, уходи! Это моя дорога!” И вот он так мучился, мучился, мучился и дом убрали: невозможно стало жить. Как обычный человек и всё.

(д. Терешовы, Шушаков Александр Иванович; АКФ 2000, т. 1, № 353).

45. У нас на одной улице три дома сгорели. Вот старые бабы говорили, что тут де тропка: леший ходил по этой тропке.

(пос. Бор, Сидорова Елизавета Александровна, 1923 г.р., уроженка д. Бисерово; АКФ 2001, т. 13, № 67).

46. Горели дома в Бору: говорят, не на месте поставлены – на тропе лешего.

(Зап. в 2001 г. А.А. Ивановой в д. Елушата Афанасьевского р-на от Семуковой Нины Ивановны, 1937 г.р., мест., грам.; АКФ 2001, т. 1, № 150).

47. А с лешим-то с этим-то будешь если знаться, котора баба-то это вместо мужика примут, да потом отвязаться никак не могут: все он приходит и приходит. А потом станет креститься, а потом он через корову шагнет – и корова пропадет.

(пос. Афанасьево, Харина Анна Тимофеевна, 1924 г.р., уроженка д. Аверины, грам.; АКФ 2000, т. 10, № 23).

48. Ходили на речку. Дак говорил один: «Мне, наверно, помогал не однажды». Говорит: «Наловил я рыбы и один оказался. И вот, – говорит, – что я

не пригласил его поесть, похлебать, и вот я только – говорит, – доел (может быть, ему почудилось), кто-то: “Хлебаешь?!”» И в это время березка упала и котелок у меня опрокинула. Я больше по этой тропе не хаживал.

(пос. Афанасьевое, Ичетовкина Тамара Сергеевны, 1928 г.р., уроженки д. Ивановская того же р-на; АКФ 2000, т. 1, № 87).

49. Одна в Аверино через лог пошла, а там дорога лешего была. Вот и нашли ее утром под кустом – платье изорвано, а сама мертвая. Она раньше рассказывала, что голоса там какие-то слышала. «Поматерюсь – замолкнут». Вот и доматерилась.

(пос. Афанасьевое, Маркова Варвара Сергеевна, 1927 г.р., уроженка д. Рагозы, грам; АКФ 2000, т. 15, № 73).

50. Пелагея и Маня пошли за коровами. По обе стороны дороги был Демидовский ельник. Они пошли туда и заплутали. Они говорили, что леший их увел и заставил доить своих коров. А соски у них, как стаканы. Ночи две плутали.

(с. Пашино, Варанкина Раиса Николаевна, 1930 г.р., уроженка д. Макаровская, грам.; АКФ 2000, т. 15, № 220).

51. Я раз по лыко ходила. Хвастунья: решила прямо идти, через лес. Кругом хожу, хожу и все на одно место прихожу. Наоборот рубашку свернула и говорю: «Господь, помилуй! Господь, батюшка!» Если рубашку перевернуть, домой де уйдешь. Говорить о лешем нельзя, поминать его нельзя.

(д. Малые Некрасовы, Черанева Анна Федосеевна, 1913 г.р., мест.; АКФ 2000, т. 15, № 269).